



На правах рукописи

**ГАЙДИН Борис Николаевич**

**ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ КАК КОНСТАНТЫ КУЛЬТУРЫ  
(ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ГАМЛЕТОВСКОГО ВОПРОСА»)**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская  
антропология, философия культуры



**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата философских наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор  
**ЛУКОВ Владимир Андреевич**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор  
**ФЛИЕР Андрей Яковлевич**

кандидат философских наук, доцент  
**ЯРОСЛАВЦЕВА Елена Ивановна**

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Московский педагогический  
государственный университет»**

Защита состоится 15 октября 2009 года в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 521.004.03 при ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. 3, зал заседаний диссертационных советов (ауд. 511).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «14» сентября 2009 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Сковиков А.К.

## I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** В современной ситуации, когда многие страны мира переживают переход от индустриального типа общества к информационному, философское осмысление элементов и различных механизмов культуры, которые обеспечивают, с одной стороны, культурогенез, а с другой, передачу новым поколениям культурного наследия, преемственность социокультурного процесса, представляется особенно актуальным. Среди стоящих перед человечеством глобальных угроз выделяется и проблема культурного кризиса, которая существенно изменилась со времен постановки этой проблемы как философской и социологической в XIX — начале XX века (Ф. Ницше, Г. Зиммель, З. Фрейд, П. Сорокин и др.) и обрела черты, выдвигающие ее на первый план при характеристике социальных изменений в «обществе риска» (У. Бек) или «обществе знаний» (Р. Лэйн, П. Штер, М. Кастельс и др.). Одной из актуальных задач, которые стоят перед философией культуры в системе гуманитарных знаний, является обобщение источников, процессов и результатов трансляции культурно-исторического опыта (традиций, обычаев, образцов поведения и т. п.) от поколения к поколению, включения личности в различные практики инкультурации и т. д., с помощью которых происходит воспроизводство социума и сохраняется его культурная целостность.

В стремительно меняющемся мире традиционные институты социальной солидарности (семья, церковь и т. п.) теряют свое былое значение, некогда эффективные способы упорядочения социальных связей существенно трансформируются и, в конечном счете, вынуждают человека искать новые для него социокультурные ориентиры. Безусловно, это больше характерно для стран европейского типа и меньше для тех стран, где религия продолжает оказывать значительное влияние на все сферы жизни (главным образом, исламские государства Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии). Но глобализация, выходя за рамки собственно экономического процесса, все активнее влияет и на глубинные культурные основания обществ. Характерным для глобализирующегося мира становится снижение регулирующей роли традиции как на уровне макроструктур, так и в повседневной жизни индивидов, что имеет далеко идущие последствия для целостности национальных культур и поддержания менталитета народов. По Ю. Хабермасу, этот процесс возник еще в XIX веке, когда критика традиционного и превознесение новаций стали обычной практикой образованных слоев общества, соблюдение социальной и культурной нормы все более переводится в сферу индивидуального или группового выбора. Как следствие возросла степень вариативности поведенческих установок. В такой ситуации человек, не имея каких-либо внешних ограничителей, начинает выстраивать свою картину мира посредством произвольно выбираемых фундаментальных ценностных предпочтений. Мир, таким образом, воспринимается фрагментарно и избирательно. На этом фоне актуализируется «гамлетовский вопрос» «Быть или не быть?» (как и образ его носителя — шекспировского Гамлета) в совершенно новых ракурсах и в новом масштабе.

В XX — начале XXI вв. неизбежность для человека опираться на более чем сомнительный, самостоятельно сконструированный под влиянием множества противоречащих один другому импульсов жизненный план становится столь очевидной, что формируется встречное движение к национальной, религиозной, социальной, культурной солидарности, вновь возвращается интерес к устойчивым формам регуляции совместной жизни, обеспечивающим и устойчивую социокультурную идентичность.

Философская проблема противоречия между фрагментарностью воспринимаемого мира и снижением значения традиции, с одной стороны, и необходимостью поддержания устойчивости культурной основы общественной жизни, с другой, оказывается существенной для современного интеллектуального дискурса. В научном аспекте этот дискурс предполагает выявление особых элементов культуры, которые позволяют ориентироваться в окружающей действительности в условиях все возрастающей скорости перемен и перманентной дестабилизации социальной и культурной жизни. Именно в этом контексте актуальна разработка проблематики констант культуры. Их изучение способно внести ясность в механизмы передачи устойчивых оснований социокультурного опыта в ситуации, характеризующейся неопределенностью ценностно-нормативной регуляции.

Константные основания культуры имеют разные формы, среди которых определенную роль играют вечные образы. Наряду с мифами, архетипами, религиозными догмами, нравственными нормами и др. вечные образы входят в культурное ядро, то, что каждый может считать «своей» культурой, т. е. то, что, по словам В. М. Межуева, «выполняет функцию культурного самосознания человека». Осмысление оснований культуры (что в настоящее время и составляет, согласно М. К. Мамардашвили, суть философии) с необходимостью предполагает изучение различных «мировоззренческих универсалий» (В. С. Степин) именно в рамках философии культуры. В числе форм таких универсалий в современных условиях актуальным становится философский анализ константных свойств и взаимосвязи с культурной средой вечных образов.

**Степень научной разработанности проблемы.** Проблемы устойчивости и изменчивости культурных форм в той или иной мере постоянный предмет философского осмысления действительности со времен Античности (проблема вечности у Гераклита, Платона, стоиков, гностиков и др.). В более узкой предметной области философии культуры как особого философского течения, в котором принято выделять линию Баденской школы неокантианства, концепции «философии жизни» (В. Дильтей), «новой онтологии» (Н. Гартман, Х. Фрейер), направленную на методологическое обоснование «науки о культуре»; линию критики «фаустовской цивилизации» (Г. Зиммель, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, А. Бергсон и др.) и линию, связанную с формированием универсальной теории культуры (Э. Кассирер, Й. Хейзинга, А. Тойнби и др.), первая и третья наиболее чувствительны к проблематике культурных универсалий, которые могут истолковываться

как константы культуры. Такова, в частности, трактовка ценностей в аксиологии В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

Современные исследователи констант культуры (Ю. С. Степанов в его фундаментальном труде «Константы: Словарь русской культуры», 1997, и др.) отдают приоритет в формировании философского представления о них в строгом смысле Г. В. Лейбницу, однако с не меньшим основанием можно обнаружить истоки такого представления в неоплатонизме эпохи Возрождения, что следует из трудов А. Ф. Лосева, связывавшего философию культуры с выявлением «доминирующего первопринципа» (который представляет собой «предельную обобщенность» данных слоев исторического континуума), т. е. также, в конечном счете, выходявшего на проблематику констант культуры.

Различные стороны констант культуры и их субъектного восприятия изучали Г.-Г. Гадамер, Э. Жильсон, Т. Ф. Кузнецова, Вал. А. Луков, С. В. Лурье, В. М. Межуев, В. С. Степин, А. Я. Флиер, подчеркивая, среди прочего, важнейшее значение таких констант для формирования картины мира, мировоззренческих универсалий, культурных тезаурусов и т. д. Ряд философов и исследователей философских проблем затрагивают проблематику устойчивых культурных форм и влияний, обращаясь к классической литературе (З. Фрейд — к образам Ф. М. Достоевского, М. Упамуно — к образу Дон-Кихота, М. М. Бахтин — к смеховой культуре Ренессанса, образам Ф. Рабле и др.). Такое обращение нередко необходимо авторам для осмысления проблем современности (например, в своей теории модернити С. Тулмин выходит на тематику направленности гуманистов XVI века на универсалии культуры).

В философской литературе широко распространено обращение к фигуре Шекспира и в еще большей мере к шекспировским образам в качестве аргументации той или иной концептуальной идеи. Ряд образов (Гамлет, Отелло, король Лир, леди Макбет и др.) используются как общекультурные символы. Между таким применением шекспировских персонажей и «вечными образами» как константами культуры нет практически никакой дистанции, что проясняет философский смысл соответствующих конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры и позволяет рассматривать понятие «вечные образы» в рамках категориального аппарата философии культуры и культурологии.

Понятие «вечный образ» сформировалось в литературоведении и восходит к трудам представителей так называемой школы заимствований (А. Н. Веселовский, А. Аарне, Т. Бенфей). В различных аспектах оно отражено в работах таких ученых, как И. М. Нусинов, Е. М. Мелетинский, Д. В. Польш. Однако лишь в некоторых трудах проблематика вечных образов выведена за пределы собственно литературоведческого анализа и осмысливается в культурологическом и философски ориентированном контексте (Вл. А. Луков, Н. В. Захаров).

Из анализа литературы следует, что понятие «вечный образ» пока не изучено в аспекте философии культуры и его связи с константными и изменчивыми составляющими культурных содержаний и форм.

С учетом научной актуальности темы и ее недостаточной разработанности в философии культуры в диссертации формулируются объект, предмет, цель и задачи данного исследования.

**Объектом** исследования стали константы культуры.

**Предмет** исследования — вечные образы как константы культуры. Этот предмет эмпирически рассмотрен на материале «гамлетовского вопроса», выступающего на протяжении столетий одним из знаковых для мировой культуры в целом, а также в особенности для некоторых национальных культур (включая русскую).

**Цель** исследования состоит в выявлении основных характеристик и особенностей вечных образов как констант культуры.

Целью определяются **задачи** диссертации:

— проанализировать сущность констант культуры и ее интерпретацию в философско-культурологическом дискурсе;

— выявить атрибутивные признаки вечных образов и охарактеризовать их место в системе констант культуры;

— применить тезаурусный подход для выявления общего, особенного и единичного в вечных образах как константах культуры;

— охарактеризовать философский смысл «гамлетовского вопроса» и философско-культурный аспект образа его носителя — шекспировского Гамлета в свете проблемы вечных образов как констант культуры;

— показать влияние диалога русской и европейской культур на осмысление «гамлетовского вопроса» и установить его связь с христианской картиной мира.

**Методологическую и теоретическую основу** исследования составляет историко-материалистическая линия философии культуры, в рамках которой в большей или меньшей степени выражены важные для данной работы теоретические положения М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. Ф. Loseва, Ю. С. Степанова, В. С. Степина, В. М. Межуева. В качестве основного в данной работе используется соотносимый с этой линией тезаурусный подход, разрабатываемый научной школой тезаурусного анализа мировой культуры (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Т. Ф. Кузнецова, Н. В. Захаров и др.).

В решении конкретных вопросов диссертантом учтены положения неокантианской аксиологии, трактовка универсальных категорий К. Г. Юнгом, понимание интертекстуальности в постмодернистской философии культуры Ю. Кристевой, Ж. Деррида. Исследование вечных образов в контексте культурных констант опирается на обобщения, сделанные в отношении отдельных литературных произведений И. М. Нусиновым, Е. М. Мелетинским, Д. В. Полем.

Для достижения цели исследования применялись также следующие методы: сравнительно-исторический (А. В. Веселовский, Ф. Бальдансперже, П. Ван Тигем, В. М. Жирмунский), структурно-семиотический (Ю. М. Лот-

ман, Ю. С. Степанов и др.), аксиологический (Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт).

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. В культурно-историческом процессе стабилизационную, регулирующую и ориентационную функции выполняют константы культуры, которые представляют собой наиболее устойчивые и значимые концепты (особого рода понятия, сочетающие в себе логические и ценностные основания). Они обеспечивают поддержание субъектом целостности своего тезауруса и лежащей в его основе социокультурной картины мира.

2. Эти сущностные характеристики констант культуры определяют их наиболее распространенные формы проявления в повседневности культуры: знак, символ, образ. Как культурные формы в данном контексте они закрепляют содержания особого рода, а именно такие, которые в исторически переходящих культурных контекстах сохраняют свой изначальный смысл и при этом легко соединяются с содержаниями, актуальными для наличной исторической ситуации, и сами таким путем остаются актуальными культурными ориентирами на протяжении эпох.

3. Константы культуры являются опорными элементами культуры, ограничивающими и канализирующими процессы социокультурной динамики. Они являются центральными составляющими культурного тезауруса субъекта.

4. Вечные образы — константы культуры, представляющие собой художественные образы, широко используемые в искусстве и сохраняющие свою актуальность в разные исторические эпохи благодаря сочетанию смысловой емкости и неисчерпаемости, высокой духовно-эстетической ценности, поливалентности, особой степени целостности, позволяющей им выполнять для субъекта ориентирующую функцию в социальной и культурной действительности. Они выступают в формах образов-персонажей, образов-вещей и символов, вечных вопросов, вечных сюжетов, крылатых слов.

5. Вечные образы — константы-инварианты, имеющие характерное смысловое ядро, признание которого как ценности может значительно различаться в тезаурусах разных культурных миров. В одни исторические эпохи те или иные вечные образы, возникшие как непосредственно в данной культуре, так и заимствованные из других культур, могут находиться в самом центре тезауруса, доминирующего в данном социуме, и быть особенно актуальными, в другие присутствуют лишь на его периферии. Однако пока существует та или иная культура, они обязательно будут присутствовать в тезаурусе культурной элиты.

6. Вечный образ Гамлета и так называемый «гамлетовский вопрос» «Быть или не быть?» — являются культурными константами русской и европейской культур. Их трактовки менялись в зависимости от общественно-исторического и культурного контекста, но они сохраняли свое положение как поле реминисценций и толкований.

7. Наличие одной и той же культурной константы в разных культурах дает основание выявлять близость этих культур. Различное понимание

вечного образа, его переосмысление, переконструирование в различных культурах позволяет охарактеризовать их национальные особенности.

**Новизна** исследования и его **научно-теоретическая значимость** заключается в следующем:

1. Выявлены основные характеристики констант культуры и обосновано их положение в ядре культурного тезауруса субъекта.

2. Показана сущность вечных образов как культурных констант и установлены особенности их функционирования в социуме.

3. На примере вечного образа Гамлета и «гамлетовского вопроса» раскрыт механизм трансформации культурных констант в разные исторические эпохи и в тезаурусах представителей различных культурных традиций и социальных слоев.

4. Дана культурфилософская интерпретация Гамлета и «гамлетовского вопроса» как освоенных русским культурным тезаурусом вечных образов, которые подверглись длительному и разнонаправленному переосмыслению в процессе трансляции от поколения к поколению культурно-исторического опыта, существенно отличающегося от первоисточника этих художественных феноменов.

**Практическая значимость** исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться в вузовских курсах философии культуры, культурологии, теории и истории литературы, в учебных пособиях по этим курсам.

**Апробация работы.** Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на Международной конференции и XVI Съезде англистов (Великий Новгород, 2006), IV и V Международных научных конференциях «Высшее образование для XXI века» (Москва, 2007, 2008), XII научной конференции аспирантов и докторантов МосГУ (Москва, 2008), Международной научной конференции «Шекспировские чтения 2008» (Москва, 2008), Международной научной конференции «Трансформации культуры в глобальном информационном обществе» (Москва, 2009), Международной научной конференции — научно-дидактическом семинаре «Комплексное изучение человека: проблемы методологии» (Кишинев, Молдавия, 2009). По теме диссертации опубликовано 26 научных работ общим объемом 16,0/11,0 п.л.

**Структура** диссертации определяется поставленными задачами, включает Введение, 3 главы (в каждой по 2 параграфа), Заключение и Список использованной литературы.

## II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы диссертационного исследования, выявлена степень ее научной разработанности, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, раскрывается методологическая база работы, определяются ее новизна и научно-практическая значимость.



В первой главе — «Теоретико-методологические основы исследования вечных образов как констант культуры» — представлен теоретический анализ констант культуры и проведено исследование понятия «вечные образы» как частного случая констант культуры.

Раскрывая понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе, диссертант отмечает, что теория культурных констант еще пребывает в стадии разработки, хотя определенные ориентиры в этом направлении намечены в рамках различных философских и культурологических концепций.

Понятие «константа» является одним из основополагающих в естественнонаучном дискурсе: с развитием точных наук возникают соответствующие термины (число  $\pi$ , — У. Джонс, Л. Эйлер, «золотое сечение» — М. Ом, первый, кто систематически использовал этот термин для соответствующего соотношения; константа Бруна — математическая константа для т. н. чисел-близнецов, выведенная В. Бруном, и др.), понятие «константа» приобретает широкое распространение в физике и химии (скорость света в вакууме, впервые измеренная О. Рёмером, число Авогадро, постоянная Планка, постоянная Дирака и т. д.). В последние два десятилетия трактовка констант все чаще присутствует в категориальном аппарате гуманитарных наук.

Принято считать, что первым, кто сделал попытку раскрыть суть константы культуры, был Г. В. Лейбниц, который в известном споре с Дж. Локком оспорил идею о душе новорожденного как «чистой доске» («*tabula rasa*»), беря на вооружение идеи Платона и схоластиков, считавших, что душа изначально обладает неким набором понятий и принципов, который нельзя приобрести эмпирическим путем. Хотя Лейбниц и не использует понятия «константа», однако утверждаемые им врожденные понятия-принципы, по сути, выступают в этом качестве.

В аспекте философского осмысления проблемы констант культуры диссертант рассматривает трактовки устойчивого и изменчивого в культуре, представленные в Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), «философии жизни» В. Дильтея и Г. Зиммеля, трудах О. Шпенглера, Э. Кассирера, Э. Жильсона и других философов, обращавшихся к этой теме.

Специально рассмотрены позиции Ю. С. Степанова, изложенные в его фундаментальном труде «Константы: Словарь русской культуры». Основополагающим для диссертанта стало определение Ю. С. Степановым константы культуры: это «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время». Таким образом, под константами культуры не следует понимать нечто «предвечное»: они не существовали всегда, но после своего появления уже не исчезают. Кроме того, в них следует различать неизменную и переменную составляющие. Таким образом, константы культуры являются элементами культуры особого порядка, которые играют большую роль в формировании картины мира каждого человека.

Большое значение для разработки теории констант культуры имеет концепция В. С. Степина о мировоззренческих универсалиях культуры — особых элементах, система которых и определяет картину мира каждого человека. Существенно в аспекте проблемы констант культуры выделение в особый класс тех из мировоззренческих универсалий, с помощью которых человек может быть охарактеризован как субъект деятельности (добро, красота, справедливость, долг и т. д.). В. С. Степин отмечает, что разным типам культур присущи как общие, так и специфические универсалии, состав которых в процессе развития человеческой деятельности может претерпевать изменения путем как появления новых категорий, так и обогащения содержания уже имеющихся. Таким образом, в каждом типе культур существует особый «строй категориального сознания», для него характерно наличие как абсолютного и непреходящего, так и относительного и изменчивого.

Диссертант подчеркивает, что использование в работах философов, культурологов, этнопсихологов, филологов термина «константа культуры» пока не привело к разработке общегуманитарной теории констант культуры. Показано, что перспективным могло бы стать выявление наиболее значимых констант для каждой культуры, иначе говоря, обнаружение и систематизация устойчивых концептов, находящихся в центре доминирующего тезауруса в рамках данной культуры и выявляющих ее основополагающие ценности. Определение такого свода констант культуры означало бы установление неизменных (устойчивых, опорных) признаков конкретной культуры. В этом направлении, как показано в диссертации, адекватным методологическим средством становится тезаурусный подход, в теоретической форме выступающий как субъектная организация гуманитарного знания.

Большое значение здесь должны сыграть базирующиеся на тезаурусном подходе исследования, задачей которых является выделение центральных констант не только целых культурных этносов, но и конкретных социальных групп той или иной культуры. Очевидно, что большая часть культурных констант отражена в искусстве как наиболее полном сосредоточии стабилизирующих элементов культуры. Первостепенное значение в нем играет литература, в силу обладания ею словесно-письменной формы, позволяющей выйти за пределы живого созерцания реальности и расширить представление о самой этой реальности, возможностях ее освоения и конструирования.

В литературе константами-инвариантами являются вечные образы, под которыми понимаются художественные образы, которые обладают особыми художественными качествами, делающими их «своими» для новых поколений художников слова и читателей — носителей определенной культуры.

Диссертант обстоятельно рассматривает вечные образы в системе констант культуры. Отмечено, что вечные образы возникают как особые носители информации, гарантирующие относительную стабильность ценностного ядра культуры. Универсальный характер вечным образам придает единая природа психофизиологических качеств человека и принципиальная схожесть стоящих перед ним проблем.

Далее в работе разграничиваются понятия «миф», «архетип» и «вечный образ». Показано, что большое распространение, которое получило изучение различных «архетипов» в творчестве того или иного писателя, часто неправомерно расширяет сферу применения понятия за пределами «коллективного бессознательного», что следует из концепции введенного термина К. Г. Юнга. Так, в работах по мифологии Е. М. Мелетинского под архетипами понимаются некие «схемы», которые реализуются как сами по себе, так и через другие связанные с ними категории, т. е. по существу имеются в виду те универсальные категории, которые следует обозначать не как архетипы, а как культурные (гуманитарные) константы. Д. В. Польш вносит некоторое уточнение в идеи Е. М. Мелетинского и предлагает каждый универсальный образ и мотив относить к одному из трех пластов: архетипическому, мифологическому и «вечных образов». В процессе литературного генезиса и развития мировой литературы из архетипического «слоя» возникают мифологемы, которые, в свою очередь, порождают категории иного уровня — «вечные образы». Подчеркивается, что если образы и мотивы, принадлежащие к первым двум пластам сознания человека, имеют наднациональный характер и присутствуют во всех национальных литературах, то «вечные образы» возникли уже в творческом процессе и со временем превратились в особые категории, которые обязательно наличествуют в литературном дискурсе и тесно связаны с константами национальных культур.

Подробно излагается точка зрения И. М. Нусинова, который отвергал термин «вечные образы» и предлагал называть данные категории «вековыми», поскольку многие из них, с его точки зрения, исчезнут из культуры будущих поколений, ибо потеряют для них всякую актуальность в связи с кардинальным изменением в массовом сознании бесклассового общества. Однако под «вековыми» следует понимать не нечто, что будет существовать всегда, а то, что воспроизводится как актуальное на новых этапах развития той или иной культуры.

В диссертации делается вывод о том, что каждый вечный образ может испытывать только внешние изменения, так как связанный с ним центральный мотив является тем константным ядром, которое навсегда закрепляет за ним особое качество. Соответственно этому предложено обоснование следующих характеристик вечных образов: 1) относительная понятность для широкого круга носителей конкретной культуры; 2) уникальная емкость и практически неисчерпаемый запас смыслов, высокая степень поливалентности; 3) уникальная аксиологическая наполненность образа. Вечные образы как культурные константы именно благодаря выше обозначенным качествам в большинстве случаев легко проникают в тезаурус субъекта, где они могут как дополнять друг друга для построения некой целостной картины, выступая «удобными» объектами для сопоставления, так и противопоставляться друг другу.

В историческом аспекте рассматривается явление интертекстуальности. Выдвигается тезис о том, что на основе теории интертекстуальности из огромного числа текстов можно выделить наиболее «авторитетные», которые

получили особый статус в результате существующей в конкретной культурной среде традиции. Именно из таких наиболее значимых текстов и возникает своеобразный «универсум текстов» (Ж. Деррида), который является постоянным источником цитат и аллюзий. Логично предположить, что именно наличие вечных образов во многом придает им необходимые для этого качества.

Выдвигаются следующие базисные для построения теории вечных образов положения:

1. Вечный образ претерпевает трансформацию, состоящую в отрыве его символического содержания от первоначальной конкретно-чувственной формы. В итоге появляется константа культуры, обладающая целостностью и при сохранении образности — высокой степенью обобщения жизненных ситуаций, типов и т. д., что позволяет вечным образам выполнять для субъекта ориентирующую функцию в социальной и культурной действительности.

2. Вечный образ как сверхтип может быть связан с целым рядом мотивов, которые могут значительно видоизменяться в ходе интертекстуального диалога. Но только наличие связанного с ним основного «константного» мотива придает ему особый статус среди других художественных образов.

3. Вечный образ может отсутствовать в тезаурусе носителей массовой культуры, однако всегда остается относительно значим для представителей культуры элитарной (высокой).

Исходя из этих положений, делаются выводы (1) о необходимости изучения вечных образов в рамках как отдельных наук, так и гуманитарного знания в целом; (2) значимости для философско-культурологического осмысления констант культуры опоры на конкретный анализ вечных образов, источниками которых является классическая художественная литература.

Вторая глава — «**Гамлетовский вопрос**» в свете проблемы констант культуры» — посвящена рассмотрению вопроса о вечных образах как константах культуры на материале вечного образа Гамлета и связанного с ним «гамлетовского вопроса».

Рассматриваются причины актуальности созданного У. Шекспиром более 400 лет назад образа Гамлета в разных культурах и в различные исторические эпохи. Приводятся примеры применения к данному художественному образу эпитета «вечный». Далее выявляются основные признаки и качества, которые придают вечному образу Гамлета особый статус среди множества других персонажей мирового литературного (шире — художественного, философского) дискурса. Подробно изложены истоки образа, указывается мифологический прототип Гамлета, раскрывается вопрос о том, какими источниками мог пользоваться У. Шекспир. Отмечается, что Гамлет с течением времени перестает восприниматься как конкретное историческое лицо. Однако известны случаи, когда имя вечного образа начинает использоваться по отношению к тому или иному современнику или потомку в силу различных аналогий. Хорошим примером здесь может выступать русский император Павел I, которого уподобляли сразу двум вечным образам (Гамлет и Дон-

Кихот). Данный пример также хорошо подтверждает, что вечные образы могут сравниваться и противопоставляться друг другу.

Раскрывается основной, «константный» мотив, который несет в себе образ Гамлета, — мотив кровной мести. Путем аналогии выявляется наиболее близкий прототип в древнегреческой мифологии — Орест. Также дается анализ дополнительного мотива — притворного безумства. Выдвигается тезис, что именно в трактовке Шекспира, а не в интерпретации его предшественников образ Гамлета обретает все качества, которые позволяют причислять его к вечным образам мировой культуры. Предложено его обоснование: У. Шекспиру удалось придать своему персонажу особую аксиологическую наполненность и глубину. Можно предположить, что он добился этого благодаря особому сочетанию мотивов: Гамлет как мститель «обогащен» не только мотивом притворного сумасшествия, но и меланхолией, которая придает ему особую философичность. Именно его постоянные размышления и саморефлексия, постановка различных «вечных вопросов» бытия, о которых не задумывается Амлэт у Саксона Грамматика или Хамблэт у Ф. Бельфоре, значительно обогащают трагедию Шекспира.

Объясняется высокая степень распространенности шекспировского образа Гамлета в философских дискурсах различных эпох: поставленный драматургом «гамлетовский вопрос» — «Быть или не быть?» — является, во-первых, предельным вопросом из разряда мировоззренческих универсалий, во-вторых, по своей сути не может иметь какого-либо абсолютного и очевидного для всех ответа.

Рассмотрено несколько примеров использования образа Гамлета как вечного образа в художественных произведениях (пьесы «Розенкранц и Гильденстерн. Трагический эпизод. В трех таблоидах» В. Гилберта, «Гамлет-машина» Х. Мюллера, роман «Гертруда и Клавдий» Дж. Апдайка). Показано, что Гамлет как вечный образ — пример того, как константа культуры в разные исторические эпохи в рамках одной культуры может иметь различный национальный и наднациональный колорит и подвергаться разнообразным трактовкам. Это может выгодно отличать то или иное прочтение художественного образа принца Датского в других странах и сделать его всемирно известным или, наоборот, повлиять на то, что авторское прочтение станет «своим» только для небольшого числа «посвященных» и, таким образом, займет место в тезаурах узкой социальной или субкультурной группы.

На анализе примеров сценических и кинематографических воплощений образа Гамлета показана возможность контекстного осмысления их влияния на процессы в мировой художественной культуре. Противопоставлены известная и малоизвестная трактовки вечного образа Гамлета (реж. К. С. Станиславского и М. Уйгура). Отмечается, что данный образ может выступать как некий универсальный пример для декларирования своих идей, своего понимания, своей концепции сценического воплощения художественного образа вообще и выходить за рамки конкретного тезауруса, проникая в другие, а может выполнять лишь функцию, позволяющую в той или иной

степени решить поставленные, часто конъюнктурно и политически окрашенные, задачи при определенных обстоятельствах.

Также подчеркивается, что образ Гамлета, по сути, вышел за пределы не только литературы, но и искусства в целом. Об этом свидетельствует его широкое употребление не только в «шекспировской индустрии», но и в повседневной жизни.

С учетом этого диссертант расширяет предметную область изучения вечного образа Гамлета до масштабов осмысления диалога русской и европейской культур в интерпретации «гамлетовского вопроса». В этой связи охарактеризована степень значимости Гамлета как вечного образа в таком культурном диалоге, анализируется процесс «гамлетизации», охвативший страны Европы и Россию благодаря особым качествам шекспировской пьесы. Представлен подробный анализ основных точек зрения на «гамлетовский вопрос» на Западе (Т. Ханмер, С. Джонсон, У. Ричардсон, Ф. Шлегель, У. Хазлитт, К. Вердер, К. Фишер, Э. С. Брэдли, Э. Столл, Дж. М. Робертсон, Дж.-Д. Уильсон, З. Фрейд) и в России начиная от А. Сумарокова и кончая исследователями литературного процесса и теории драмы XX века (М. М. Морозов, Л. Е. Пинский, А. Л. Штейн, И. Е. Верцман, М. В. и Д. М. Урновы, А. А. Аникст и др.). Учтены позиции деятелей литературы и искусства, переводчиков шекспировских текстов (И.-В. Гёте, С.-Т. Кольридж, Т. С. Элиот, А. П. Чехов, Б. Л. Пастернак, М. Л. Лозинский, Г. М. Козинцев и др.). В итоге ответ на «гамлетовский вопрос» поставлен в прямую связь с особенностями многообразных интерпретаций образа Гамлета: в этом сочетании он перестает быть альтернативой, а содержит в себе множество вариантов, предопределяющих разные жизненные траектории и жизненные проекты, чем обогащается и лишается альтернативности философия жизни как тезаурусное основание ориентации в ее многообразии и неопределенности.

Делается вывод, что в ходе диалога европейской и русской культур в интерпретации «гамлетовского вопроса» состоялось взаимообогащение. Безусловно, влияние западноевропейской традиции осмысления «Гамлета» У. Шекспира шире отразилось на русской культуре, чем наоборот. Однако это не означает, что русская мысль, направленная на разрешение «проблемы Гамлета», не отразилась в тезаурусе европейской культуры. Как минимум, точки зрения крупнейших русских писателей XIX века на содержание «Гамлета», а также одноименный фильм Г. Козинцева, образ, созданный в нем И. Смоктуновским, известны во всем мире и присутствуют в интеллектуальном и профессиональном дискурсе.

Вечный образ Гамлета наглядно демонстрирует то, какую значительную роль играют культурные константы в диалоге различных культур. В силу присущих вечным образам особых качеств Гамлет может подвергаться различным трактовкам даже в рамках одной культуры и в одну историческую эпоху. С другой стороны, существование вечных образов дает основание и возможность для необходимого диалога между различными культурными мирами, который направлен на взаимообогащение и повышение уровня взаимопонимания и толерантности.

Автор высказывает мнение, что изучение отдельных констант культуры, разработка различных словарей культурных констант в рамках кросскультурных исследований могло бы внести значительную лепту в этом аспекте. Вечные образы могли бы послужить ярким примером того, как можно двигаться в этом направлении.

В третьей главе — «**Полюсы в интерпретации Гамлета и “гамлетовского вопроса”**» — представлены примеры двух противоположных тенденций, к которым можно отнести почти все концепции, касающиеся «гамлетовского вопроса»: с одной стороны, это «классические» интерпретации образа Гамлета, при которых его действия объясняются теми или иными причинами и получают «оправдание»; с другой, это точки зрения в русле «антигамлетизма», когда данный вечный образ подвергается суровой критике, а о его поступках судят в отрицательном ключе. Представленный материал свидетельствует о том, что вечный образ может получать совершенно противоположные трактовки. Такая смысловая гибкость и позволяет вечным образам оставаться актуальными для новых поколений.

В диссертации в этой связи «гамлетовский вопрос» показан как отражение христианской картины мира. Затрагивается вопрос о вероисповедовании У. Шекспира, выдвигается тезис о недостаточной обоснованности крайних точек зрения по этому вопросу. Однако факт большого значения христианской символики и библейских аллюзий в шекспировских произведениях для более глубокого их понимания является неоспоримым и подкрепляется многочисленными исследованиями. В качестве примера христианского понимания «гамлетовского вопроса» предлагается его рассмотрение с позиций, заложенных русской религиозной философской школой (С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, А. А. Ванновский). Делается вывод о том, что христианская интерпретация проблемы Гамлета служит ярким примером того, как данная тема может быть рассмотрена с различных морально-этических позиций, согласно тому или иному миропониманию. Именно это качество, по существу, и делает актуальным содержание трагедии Шекспира в разных социально-исторических формациях и позволяет причислять Гамлета к вечным образам мировой культуры.

В противовес христианскому пониманию Гамлета изучены две точки зрения на этот образ в рамках т. н. «антигамлетизма». В качестве иллюстрации того, как образ принца Датского может быть охарактеризован в философско-критическом дискурсе и в художественном творчестве, дан анализ речи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) и пьесы Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1966). Эти примеры хорошо показывают механизм того, как критика образа Гамлета предоставляет хорошую возможность для достижения некоей цели, которая стоит перед критиком или художником слова. Но эта цель не столько лежит во внешних обстоятельствах порождения новых текстов, сколько выявляет свойства культурного тезауруса определенных групп, к которым такие новые тексты обращены.

**В Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и делаются следующие выводы:

1. Вечные образы представляют собой особый вид культурных констант. Обладая присущими константам культуры качествами, они имеют особую природу формирования. Уходя корнями в мифологию, они играют большую роль на разных этапах истории культуры, причем их значение усиливается с наступлением эпохи постмодернизма и интертекстуальности.

2. Вечные образы представляют собой элементы культуры особой значимости, которые играют большую роль в трансляции культурно-исторического опыта. Отсюда налицо возможность использования теории вечных образов как культурных констант в теории и практике образовательного процесса.

3. Выявленные качества вечного образа Гамлета и «гамлетовского вопроса» позволяют говорить о том, что они входят в тезаурус как породившей их западноевропейской культуры, так и культуры русской, в которой заключенный в них константный мотив подвергся переосмыслению и реконструированию.

4. Специфичные точки зрения на «гамлетовский вопрос» среди мыслителей разных европейских стран дают материал для культурно-философского обоснования характеристик национальных культур в рамках европейского культурного мира. Анализ вечного образа Гамлета как культурной константы позволил выявить специфические черты его интерпретаций представителями европейских национальных культур (преимущественно английской, французской и немецкой), а также в рамках русской культурной традиции.

5. Константы в естественнонаучном понимании неизменны, в гуманитарном — они в какой-то исторический момент могут быть в центре тезауруса и быть неизменными для значимого большинства, а в какие-то — быть на его периферии, сохраняя свое особое качество как бы внутри себя, испытывая при этом значительные внешние видоизменения. При трансформации отношения к константной части вечного образа значимой части социума велика вероятность возникновения в нем (социуме) кризисного состояния культуры.

**Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:**

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры // *Знание. Понимание. Умение*. — 2008. — № 2. — С. 241–245. (0,4 п. л.).

2. Гайдин Б. Н. «Анти-Гамлет» у И. С. Тургенева и Т. Стоппарда // *Знание. Понимание. Умение*. — 2008. — № 3. — С. 231–235. (0,4 п. л.).

3. Гайдин Б. Н. «Гамлетовский вопрос» как отражение христианской картины мира // *Знание. Понимание. Умение*. — 2008. — № 4. — С. 226–231. (0,5 п. л.).

4. Гайдин Б. Н. Вечные образы в системе констант культуры // *Знание. Понимание. Умение*. — 2009. — № 2. — С. 224–230. (0,6 п. л.).



### Работы в других изданиях:

5. Гайдин Б. Н. Христианские мотивы в «Гамлете» Уильяма Шекспира // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»: Материалы научного семинара, 23 апреля 2005 года / Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. — С. 65–68. (0,2 п. л.).

6. Гайдин Б. Н. Христианский тезаурус «гамлетовского вопроса» // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 1. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. — С. 35–48. (0,8 п. л.).

7. Гайдин Б. Н. Может ли быть Гамлет православным? // Шекспировские штудии II: «Русский Шекспир»: Исследования и материалы научного семинара, 26 апреля 2006 года / Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. — С. 48–56. (0,3 п. л.).

8. Гайдин Б. Н. Шекспир и христианская культура // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 2. — С. 236–239. (0,3 п. л.).

9. Гайдин Б. Н. Христианские мотивы в «Гамлете» Уильяма Шекспира // Литература Великобритании и Романский мир: Тезисы докладов Международной научной конференции и XVI съезда англоистов 19–22 сентября 2006 года / НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2006. — С. 41–42. (0,1 п. л.).

10. Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Грамматические школы в эпоху Ренессанса: чему учился Шекспир // Высшее образование для XXI века: Третья международная научная конференция, МосГУ, 18–20 октября 2006 г.: Доклады и материалы. Вып. 10. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. — С. 49–53. (0,3 п. л./ 0,15 п. л.).

11. Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Шекспир как ученик: грамматические школы в эпоху Ренессанса // Шекспировские штудии III: Линии исследования: Сб. науч. трудов. Материалы научного семинара, 14 ноября 2006 года / Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. — С. 32–36. (0,3 п. л./ 0,15 п. л.).

12. Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Английские грамматические школы в XVI веке и образование Шекспира // Высшее образование для XXI века: III Международная научная конференция, МосГУ, 18–20 октября 2006 г.: доклады и материалы. Вып. 1 / Под общ. ред. И. М. Ильинского. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. — С. 240–243. (0,3 п. л./ 0,15 п. л.).

13. Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Розенкранц и Гильденстерн не мертвы: перечитывая Стоппарда // Шекспировские штудии V: Шекспир во взаимотражении литератур. Сб. науч. трудов. Материалы научного семинара, 6 июня 2007 года / Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. — С. 63–69. (0,3 п. л./ 0,15 п. л.).

14. Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Шекспировские штудии IV: Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры: Монография / Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т гуманитар. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. — 86 с. (5,5 п. л./ 1,8 п. л.).

15. Гайдин Б. Н. Константы культуры в образовательной системе // Высшее образование для XXI века: IV Междунар. науч. конференция, МосГУ, 18–20 октября 2007 г.: доклады и материалы. Секция 6. Высшее образование и мировая культура: Вып. 2. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — С. 58–60. (0,1 п. л.).

16. Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Гамлет в культурных тезаурусах поколений // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 12 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2007. — С. 14–19. (0,2 п. л./ 0,1 п. л.).

17. Гайдин Б. Н. Гамлет как гуманитарная константа христианского тезауруса // Гуманитарные константы: Материалы конференции Института гуманитарных исследований МосГУ 16 февраля 2008 года: Сб. науч. трудов / отв. ред. Вл. А. Луков; Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманит. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2008. — С. 40–52. (0,8 п. л.).

18. Gaydin B. N. «Anti-Hamlet» in I. S. Turgenev's and T. Stoppard's Works // Shakespeare Readings 2008. Abstracts. — Moscow: Moscow University for the Humanities Publishing House, 2008. — P. 15. (0,1 п. л.).

19. Гайдин Б. Н. «Анти-Гамлет» у И. С. Тургенева и Т. Стоппарда // Шекспировские чтения 2008. Сб. аннотаций докладов / Шекспировская комиссия РАН. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 15. (0,1 п. л.).

20. Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Новые информационные технологии и филологические науки: комплексный подход к высшему образованию // Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г.: Доклады и материалы. Секция 6. Высшее образование и мировая культура. Вып. 1. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 3–18. (1,0 п. л./ 0,3 п. л.).

21. Lukov V. A., Zakharov N. V., Gaydin B. N. The New Information Technologies and Philological Sciences: the Complex Approach to the Higher Education (abstract) // Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г.: Доклады и материалы. Секция 6. Высшее образование и мировая культура. Вып. 1. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 18–19. (0,1 п. л./ 0,03 п. л.).

22. Гайдин Б. Н. Гамлет как гуманитарная константа христианского тезауруса // Шекспировские студии IX: К 444-летию со дня рождения Шекспира: Сб. науч. трудов. Материалы круглого стола, 23 апреля 2008 года / Моск. гуманит. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 20–32. (0,8 п. л.).

23. Захаров Н. В., Луков Вл. А., Гайдин Б. Н. Гамлет как вечный образ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 16. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 15–28. (0,9 п. л./ 0,3 п. л.).

24. Гайдин Б. Н. Шекспир и ветви христианства // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 17. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 71–76. (0,4 п. л.).

25. Гайдин Б. Н. Интерпретации «гамлетовского вопроса» и комплексное изучение человека // Комплексное изучение человека: проблемы методологии: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / Отв. ред. Б. Г. Юдин. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 19–32. (0,9 п. л.).

26. Гайдин Б. Н. «Анти-Гамлет» у И. С. Тургенева и Т. Стоппарда // Шекспировские штудии X: Шекспировские чтения 2008: Материалы международной научной конференции (Москва, 29 сентября — 3 октября 2008 года) / Шекспировская комиссия РАН; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — С. 62–76. (0,9 п. л.).

Подписано в печать 10.09.2009 г. Заказ № 957

Формат 60x84 1/16. Объем 1,1 п.л. Тираж 100 экз.

Издательство ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»  
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1.